

УДК 343.133

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

А. Г. Калугин

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника (по учебной работе)
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

В статье анализируются средства проверки сообщений о преступлениях, упомянутые в ст. 144 УПК РФ, особенности их нормативной регламентации; обозначается проблема их несоответствия фактическим задачам стадии возбуждения уголовного дела, что отрицательно сказывается на степени достоверности получаемых органом расследования сведений и, как следствие, на законности и обоснованности принимаемых на их основе процессуальных решений. Делается вывод о необходимости комплексного решения проблемы и изменении в целом модели досудебного производства в направлении, с одной стороны, расширения процессуальных гарантий прав личности и ужесточения стандартов доказывания, а с другой — повышения оперативности реагирования на преступления и закрепления их следов, сокращения сроков производства по уголовному делу и процессуальной экономии во всех ее проявлениях.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, доследственная проверка, проверка сообщения о преступлении, следственные действия.

Последние два десятилетия в российской уголовно-процессуальной науке ознаменовались бурной дискуссией о реформировании начального этапа уголовного судопроизводства, в частности о целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела. Одной из основных проблем, связанных с этой стадией, является проблема эффективности и достаточности средств, используемых для проверки сообщений о преступлениях.

К числу задач, решаемых органами предварительного расследования в стадии возбуждения уголовного дела, традиционно относят (наряду с другими, которые не имеют прямого отношения к теме данной статьи) осуществление проверочных действий по поступившей информации в целях:

- установления факта (события), о котором идет речь в поступившем сообщении, его предварительной юридической квалификации в качестве именно преступления (отграничения от административного правонарушения, дисциплинарного проступка, гражданско-правового деликта, стихийного бедствия и т. д.);
- установления обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела и дальнейшему производству по нему;
- обнаружения и закрепления (сохранения) следов преступления;
- установления лица, его совершившего.

Очевидно, что первые три из указанных задач неизбежно возникают вне зависимости от наличия или отсутствия информации о лице, совершившем преступление.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, любое из возможных процессуальных решений, которое принимается в том числе и на данной стадии уголовного судопроизводства по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, должно быть обоснованным и мотивированным, иначе неизбежно встанет вопрос и о его законности. Это касается как решения о возбуждении уголовного дела, о чем гласит ч. 2 ст. 140 УПК РФ (о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления), так и решения об отказе в возбуждении уголовного дела: они должны приниматься на основе достоверных данных, полученных с соблюдением процессуальных гарантий прав и законных интересов граждан [1].

Анализ содержания формулировки «данные, указывающие на признаки преступления» приводит к выводу, что к числу таковых прежде всего следует отнести признаки, свидетельствующие об общественной опасности, обусловившей уголовную противоправность деяния, то есть сведения, указывающие на характер и размер вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), и на то, кому причинен вред; словом, о признаках, характеризующих объект и предмет преступления. Другая часть признаков преступления, как правило, входящая в содержание основания для возбуждения уголовного дела, — это данные о самом деянии: характере действия или бездействия, очевидности причинной связи между деянием и наступившими последствиями (то есть признаки, относящиеся к объекту преступного посягательства), и, наконец, сведения о месте и времени совершения этих действий либо бездействия (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Отсюда вывод: основания для возбуждения уголовного дела — это достаточные для принятия соответствующего процессуального решения сведения, полученные органами предварительного расследования в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, с высокой степенью достоверности указывающие на признаки преступления, входящие в предмет доказывания, определенные ст. 73 УПК РФ. Это, в свою очередь, означает, что и на начальном этапе уголовного судопроизводства имеет место процесс собирания и проверки доказательств, а он должен осуществляться в полноценной процессуальной форме, с обеспечением процессуальных гарантий прав и законных интересов граждан.

Обеспечивают ли решение задачи в обозначенном контексте имеющиеся в распоряжении органов предварительного расследования средства проверки сообщений о преступлениях, «разрешенные к применению» в стадии возбуждения уголовного дела ч. 1 ст. 144 УПК РФ?

Попытаемся классифицировать их, взяв в качестве критерия порядок правовой регламентации того или иного средства проверки информации о преступлении, и разделим их условно на три группы:

1) регламентированные непосредственно уголовно-процессуальным законом (процессуальные действия);

2) предусмотренные (упомянутые) уголовно-процессуальным законом, но регламентированные нормативными правовыми актами иной отраслевой принадлежности;

3) не регламентированные нормативно, выработанные сложившейся практикой.

К первой группе можно отнести следственные действия, указанные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ:

– все виды следственного осмотра: осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов;

– освидетельствование;

– назначение судебной экспертизы и получение заключения эксперта.

Статья 86 УПК РФ определяет следственные действия как основной для досудебного производства способ собирания доказательств (закрепление следов преступления, как уже было сказано выше, является ничем иным, как собиранием доказательств); при этом данный способ — единственный, обладающий всеми свойствами процессуальной формы.

Не совсем понятно, что имел в виду законодатель, указав в ч. 1 ст. 144 УПК РФ в качестве отдельного «проверочного» действия получение образцов для сравнительного исследования. Действие с таким же или схожим наименованием и с аналогичными целями приблизительно в одном и том же контексте упоминается в нескольких федеральных законах:

– ст. 202 УПК РФ регламентирует это процессуальное действие как подготовительный, вспомогательный элемент процедуры назначения судебной экспертизы по уголовному делу либо в рамках «доследственной проверки»;

– ст. 26.5. КоАП РФ предусматривает аналогичное по целям процессуальное действие под названием «взятие проб и образцов» как подготовительный элемент процедуры назначения судебной экспертизы по делу об административном правонарушении [2];

– п. 17 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» предоставляет полиции право истребовать у организаций образцы их продукции, необходимые для проведения экспертиз и исследований [3];

– п. 3 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает оперативно-розыскное мероприятие «Сбор образцов для сравнительного исследования» [4].

В зависимости от конкретных обстоятельств и исходной следственной ситуации любая из приведенных выше процедур может быть применена тем или иным субъектом уголовного процесса для целей проверки сообщения о преступлении.

Вместе с тем получение образцов для сравнительного исследования не является способом собирания доказательств, а представляет собой лишь вспомогательное процессуальное действие, обеспечивающее производство следственного действия — экспертизы; элемент процессуального порядка ее назначения и производства.

Еще более невразумительным является упоминание в ч. 1 ст. 144 УПК РФ такого «проверочного действия», как «изъятие предметов и документов». Исходя из устоявшихся представлений об уголовно-процессуальной форме и ее свойствах, процесс поиска, обнаружения и изъятия (как правило, принудительного) предметов и документов в конкретном месте, у конкретного обладателя должен регламентироваться нормами уголовно-процессуального закона, содержащими указание на фактические и юридические основания этого действия, устанавливающими определенный объем процессуальных гарантий прав и законных интересов собственника или иного законного владельца изымаемых предметов или документов. УПК РФ для таких случаев предусматривает единственную процессуальную форму — форму следственного действия. Предметы и документы могут быть обнаружены и изъяты в результате осмотра места происшествия, обыска, выемки, осмотра и выемки почтово-телеграфных отправлений. В определенных случаях эти следственные действия проводятся по судебному решению. Однако в стадии возбуждения уголовного дела, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, допускается производство лишь осмотра места происшествия, а также осмотра самих документов и предметов.

Вряд ли рассматриваемая формулировка подразумевает возможность проведения до возбуждения уголовного дела выемки или обыска, хотя некоторые авторы и полагают, что эта формулировка позволяет правоприменителю применять в стадии возбуждения уголовного дела правила выемки, «...поскольку в этом случае нет какого-либо указания на поисковый характер изъятия» [5, с. 55].

Скорее всего, речь следует вести о нормативно закрепленной допустимости аналогии закона. Подобный прием применен законодателем в ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [4]: «В случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации». Кстати, в следующем абзаце этой же части подробно регламентирован порядок изъятия документов и электронных носителей информации, очень схожий с правилами выемки электронных носителей информации, установленными в части 3.1. ст. 183 УПК РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующую правовую позицию относительно данной нормы: ...пункт 1 части первой статьи 15 устанавливает, в частности, что в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, что направлено на удостоверение факта,

хода и результатов производства оперативно-розыскного мероприятия, а не следственного действия. При этом оперативно-розыскные мероприятия, в том числе исследование предметов и документов, проводятся при наличии оснований, предусмотренных статьей 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а не Уголовно-процессуальным кодексом. Данный Федеральный закон не регламентирует уголовно-процессуальные правоотношения, а потому и отношения, связанные с получением, проверкой и оценкой доказательств. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем [6]. Таким образом, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации относительно ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» подтверждает вывод о возможности использования аналогии закона — применения правил составления протокола выемки, предусмотренных ст. 183 УПК РФ, при необходимости составления протокола изъятия предметов или документов в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности.

При аналогии закона, т. е. при распространении на прямо не урегулированные законом отношения конкретных норм, регулирующих сходные отношения, решающим основанием, предопределяющим возможность применения той или иной конкретной нормы, является существенное сходство между отношениями, которые прямо не предусмотрены правом, и отношениями, которые урегулированы конкретными юридическими нормами [7, с. 7]. Однако допустимость использования сходных правил составления протокола вовсе не означает возможности проведения в процессе ОРД самого следственного действия «выемка».

Представляется, что толкование ч. 1 ст. 144 УПК РФ должно осуществляться аналогичным образом: поскольку среди следственных действий, перечисленных в этой норме в качестве средств проверки сообщений о преступлениях, выемка, как, впрочем, и обыск, прямо не названы, речь может идти лишь о применении по аналогии правил производства выемки и правил составления соответствующего протокола в тех случаях, когда в стадии возбуждения уголовного дела у следователя или органа дознания возникает необходимость изъятия предметов или документов.

Таким образом, в стадии возбуждения уголовного дела фактически собирается и документально закрепляется путем «изъятия предметов и документов», формально не регламентированного УПК РФ, информация, имеющая важнейшее доказательственное значение, но с точки зрения способа получения доказательством не являющаяся. На практике это, как правило, порождает необходимость впоследствии дублировать так называемые проверочные действия следственными действиями, чтобы придать уже имеющимся в распоряжении органа расследования сведениям процессуальную форму доказательств [8, с. 18].

Ко второй группе проверочных действий следует отнести те средства проверки, упоминание о которых в ст. 144 УПК РФ носит отсылочный характер.

Эту группу, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы:

а) проверочные действия, осуществляемые непосредственно участником уголовного судопроизводства, которому поручено проведение доследственной проверки;

б) использование возможностей других органов государственной власти, действующих в пределах своей компетенции и использующих методы и процессуальный инструментарий иной (не уголовно-процессуальной) отраслевой принадлежности.

К подгруппе «а» могут быть отнесены:

- получение объяснений;
- истребование документов и предметов;

– истребование в редакциях СМИ имеющихся в их распоряжении документов и материалов, подтверждающих сообщение о преступлении, а также данных о лице, предоставившем указанную информацию (ч. 2 ст. 144 УПК РФ).

К подгруппе «б» следует отнести:

– требование о производстве документальных проверок и ревизий (помимо общей нормы (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), ч. 7–9 ст. 144 УПК РФ установлен специальный порядок взаимодействия следователя с налоговыми органами и территориальными органами социального страхования при проверке сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.1, 199.3 и 199.4 УК РФ; сам же порядок ревизий и документальных проверок определяется подзаконными или ведомственными нормативными правовыми актами соответствующих контролирующих органов);

– требование о производстве исследований документов, предметов, трупов (порядок их проведения также регламентируется подзаконными или ведомственными нормативными правовыми актами соответствующих органов исполнительной власти, имеющих в своем ведении судебно-экспертные учреждения);

– поручение (обязательное для исполнения) органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий в соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Относительно перечисленных полномочий, отнесенных нами к подгруппе «б», следует отметить, что субъектами уголовного судопроизводства (органами предварительного расследования) они используются именно для привлечения к проверке сообщения о преступлении иных субъектов, действующих в рамках своей компетенции, а результаты соответствующих видов деятельности (оперативно-розыскной, административной, контрольно-ревизионной) используются лишь в виде готового информационного продукта, полученного (истребованного) по поручению органов расследования.

Вместе с тем имеется явный правовой «разнобой» в части порядка приобщения этих результатов к материалам уголовного дела.

Так, результаты оперативно-розыскной деятельности представляются следователю, дознавателю в порядке, определенном межведомственной инструкцией [9]; порядок представления следователю заключения налогового органа или территориального органа страховщика в общих чертах определен частями 7–9 ст. 144 УПК РФ, а порядок направления в органы расследования материалов ревизий, документальных проверок, результатов исследования предметов, документов, трупов вообще не имеет специальной нормативной регламентации и осуществляется сообразно стандартным правилам делопроизводства (официальной деловой переписки), упорядоченного в лучшем случае ведомственными правовыми актами. Последнее, кстати, в полной мере относится и к проверочным действиям группы «а», именующимся «истребованием».

В контексте данного вопроса в весьма специфическом «правовом поле» находится полиция, которая, с одной стороны, является полноценным субъектом уголовно-процессуальной деятельности — универсальным органом дознания, имеющим право осуществлять проверку абсолютного большинства сообщений о преступлениях, а с другой стороны, имеет в своем составе подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, а также экспертные подразделения, которые, в свою очередь, относятся к субъектам, обязанным исполнять поручения и требования органа дознания.

В результате на данный орган дознания возлагаются полномочия, предусмотренные как ч. 1 ст. 144 УПК РФ, так и ст. 13 Федерального закона «О полиции» [3], в частности:

– запрашивать и получать на безвозмездной основе по мотивированному запросу от государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций, должностных лиц и граждан сведения, справки, документы (их копии), иную необходимую информацию, в том числе персональные данные граждан, за исключением случаев, когда федеральным законом установлен специальный порядок получения информации (п. 4);

– запрашивать и получать от медицинских организаций сведения о гражданах, поступивших с ранениями и телесными повреждениями насильственного характера либо с ранениями и телесными повреждениями, полученными в результате дорожно-транспортных происшествий (п. 4);

– истребовать для проведения экспертиз от организаций независимо от форм собственности предоставление образцов и каталогов своей продукции, техническую и технологическую документацию и другие информационные материалы, необходимые для производства экспертиз; проводить исследования предметов и документов при наличии признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния; проводить экспертизу (исследование) изъятых у граждан и должностных лиц документов, имеющих признаки подделки, а также вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у них без специального разрешения (п. 17);

– проверять места хранения, торговли, коллекционирования и экспонирования оружия, основных частей огнестрельного оружия, если имеются данные, дающие основания подозревать граждан в совершении преступления (п. 22).

В завершение характеристики этой группы проверочных средств следует обратить внимание на получение объяснений.

До сравнительно недавнего времени процедура получения объяснений законом никак не оговаривалась. Положение изменилось с введением в ст. 144 УПК РФ части 1.1, которая, однако, не сняла очень многие острые вопросы, главным из которых является неопределенность процессуально-правового статуса лица, у которого отбирается объяснение.

Положение закона «Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы...» выглядит более чем декларативно, поскольку отсутствие у лица до возбуждения уголовного дела конкретного процессуального статуса не позволяет с определенностью сказать, реализацию каких именно процессуальных прав надлежит обеспечивать органу предварительного расследования. Что же касается процессуальных обязанностей и, соответственно, юридической ответственности за их неисполнение, то единственное положение, которое предусмотрено анализируемой нормой, — возможность предупреждения участника доследственной проверки о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ, — никак не решает проблему отсутствия какой-либо ответственности за уклонение от дачи объяснений, за умышленное введение в заблуждение сотрудников правоохранительных органов и даже за заведомо ложный донос, если объяснение отбирается не у лица, заявившего о преступлении.

Третью группу проверочных средств составляют выработанные практикой формы изъятия предметов и документов при их инициативном представлении гражданами или добровольной выдаче. При оформлении подобных актов чаще всего применяется аналогия с порядком производства выемки (по крайней мере, в части правил составления протокола), о чем уже было сказано выше. Вместе с тем этот законодательный пробел можно и нужно ликвидировать. На необходимость и целесообразность закрепления в УПК РФ порядка инициативного представления предметов, документов участниками процесса (в том числе и будущими участниками в стадии возбуждения уголовного дела) указывал С. А. Шейфер: «Процессуальная форма представления доказательств участниками процесса должна определяться соответственно характеру представленных материалов (предметов и документов) и учитывать юридическую природу этого действия (в одном случае — это защита законного интереса, в другом — выполнение служеб-

ной обязанности» [10, с. 102–103]. Важно акцентировать внимание на инициативном (со стороны участника), а не поисковом (со стороны следователя), добровольном, а не принудительном характере акта представления будущего доказательства, что принципиально отличает его от изъятия в порядке, предусмотренном для следственных действий.

Таким образом, можно сделать вывод, что одной из основных проблем стадии возбуждения уголовного дела является недостаток средств проверки сообщений о преступлениях, облеченных в процессуальную форму, что приводит к невозможности:

– своевременно закреплять следы преступления (по существу — собирать доказательства) путем проведения следственных действий;

– обеспечивать, с одной стороны, эффективную защиту прав и законных интересов граждан, вовлеченных в процесс доследственной проверки, а с другой стороны, их надлежащее поведение в процессе установления обстоятельств преступления — в силу отсутствия у них как конкретных процессуальных прав, так и процессуальных обязанностей, за неисполнение которых могла бы наступать юридическая ответственность.

Все это исключительно отрицательно сказывается на степени достоверности получаемых органом расследования сведений и, как следствие, на законности и обоснованности принимаемых на их основе процессуальных решений.

О путях решения обозначенной проблемы в юридической литературе высказываются различные, порой крайне противоположные суждения: от предложений расширить перечень следственных действий, производство которых допускалось бы в целях более полной проверки заявлений и сообщений о преступлениях до принятия решения о возбуждении уголовного дела [11, с. 83; 12, с. 113], до утверждений о недопустимости расширения круга процессуальных действий, выполнение которых возможно до возбуждения уголовного дела, поскольку возникает угроза размывания отличий между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, а также необоснованного ограничения прав и законных интересов личности [13–15].

Представляется, что речь все же должна идти о комплексном решении проблемы и изменении в целом модели досудебного производства в направлении, с одной стороны, расширения процессуальных гарантий прав личности и ужесточения стандартов доказывания, а с другой — повышения оперативности реагирования на преступления и закрепления их следов, сокращения сроков производства по уголовному делу и процессуальной экономии во всех ее проявлениях. Разработка такой модели — предмет наших дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. Закона от 27.10.2020 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от ред. от 15.10.2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

3. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 07.02.2011 г., № 3-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

4. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 12.08.1995 г., № 144-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

5. Халиков, А. Н. Собираание доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении / А. Н. Халиков // Законность. — 2013. — № 12. — С. 54–57.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мязиной Марии Юрьевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 6 и 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статей 170, 176, 177 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федер. от 20.11.2014 г. № 2557-О // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

7. Бахта, А. С. Аналогия закона и аналогия права как способы восполнения пробелов при применении норм уголовно-процессуального права / А. С. Бахта // Российский следователь. — 2011. — № 1. — С. 7–9.

8. Калугин, А. Г. К вопросу о процессуальной форме изъятия предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела / А. Г. Калугин // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. — 2017. — № 3. — С. 15–21.

9. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России № 776, Минбороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

10. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. — М. : Норма, 2009. — 240 с.

11. Исаенко, В. О системе уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела / В. Исаенко, Е. Папышева // Уголовное право. — 2009. — № 6. — С. 82–84.

12. Мартыненко, С. Б. К вопросу об эволюции уголовно-процессуального регулирования предварительной проверки сообщений о преступлении / С. Б. Мартыненко // Lex russica. — 2018. — № 7. — С. 98–113.

13. Зяблина, М. В. К вопросу об исключении из российского уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела / М. В. Зяблина [Электронный ресурс] // Российская юстиция. — 2017. — № 7 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

14. Калужный, А. Н. Итоги реформирования следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела: проблемы производства и пути оптимизации / А. Н. Калужный // Судебная власть и уголовный процесс. — 2014. — № 3. — С. 186–189.

15. Миллер, В. Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Ю. Миллер. — Н. Новгород, 2019. — 34 с.

Поступила в редакцию 16.11.2020 г.

Контакты: alexei_kalugin@mail.ru (Калугин Алексей Геннадьевич)

A. G. Kalugin

TO THE ISSUE ON MEANS OF CHECKING REPORTS ON CRIMES

The means of checking reports on crimes mentioned in Art. 144 of the Criminal Procedural Code of the RF and peculiarities of their normative regulation are analyzed in the article; the issue of their discrepancy to the actual tasks of the stage of initiating of a criminal case is highlighted and it negatively affects the degree of reliability of the information received by the investigation body, and, as a consequence, the legality and validity of the procedural decisions taken on their basis. The author comes to conclusion on the necessity of the complex solution of the problem and changing the model of the pre-trial proceedings in the direction of expanding procedural guarantees of individual rights and toughening standards of proof, on the one hand, and increasing the efficiency of response to the crime and fixation of its traces, shortening the time frame for criminal proceedings and procedural economy in all its manifestations, on the other hand.

Keywords: *stage of initiation of a criminal case; pre-investigation check; checking the report on the crime; investigative actions.*